

В. Р. ВАВРИКЪ.

ГАЛИЦКАЯ ЛИТЕРАТУРА
„СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЪ“.

ЛЬВОВЪ, 1930.

Типографія Ставропигійского Института подъ управлениемъ
М. Г. Мацана.

ИЗ КНИГ Ф. М. И А. Ф. ГОЛОВЕНЧЕНКО

ГАЛИЦКАЯ ЛИТЕРАТУРА „СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЪ“.

1.

Борьба изъ-за „Слова о полку Игоревъ“.

Величавый памятникъ древней Руси не легко и не скоро былъ признанъ дѣломъ XII вѣка; онъ былъ отвоеванъ упорной и продолжительной борьбой ученыхъ. Два враждебныхъ табора запасались огромными доказательствами и выводами, чтобы защитить свою точку зрењія.

Борьба возникла нѣсколько лѣтъ послѣ открытия памятника; открылъ его собиратель древнихъ вещей, Алексѣй Ивановичъ Мусинъ-Пушкинъ,¹⁾ въ 1795 году въ сборникѣ „Хронографъ“, пріобрѣтенномъ имъ отъ Іоила, архимандрита Спасо-Ярославскаго монастыря.

Мусинъ-Пушкинъ, не будучи ни словесникомъ ни историкомъ, отдалъ памятникъ для разслѣдованія А. є. Малиновскому²⁾ и Н. Н. Бантышъ-Каменскому³⁾, тогдашимъ наиболѣе виднымъ и заслуженнымъ русскимъ ученымъ.

Драгоцѣнную находку издалъ Мусинъ-Пушкинъ п. з.: „Ироическая пѣснь о походѣ на половцовъ удѣльного князя Новагорода-Сѣверскаго, Игоря Святославича, писанная стариннымъ русскимъ языкомъ въ исходѣ XII столѣтия, съ переложеніемъ на употребляемое нынѣ нарѣчіе“. Москва, 1800. Какъ на зло, подлинникъ „Слова“, т. е. „Хронографъ“ сгорѣлъ въ московскомъ пожарѣ въ 1812 году.

¹⁾ А. И. Мусинъ-Пушкинъ (1744—1816), любитель древнихъ памятниковъ, археологъ, имѣлъ богатѣйший музей въ Москвѣ, который сгорѣлъ въ 1812 году.

²⁾ А. є. Малиновскій (1762—1840), писатель, начальникъ московскаго архива коллегіи иностранныхъ дѣлъ и издатель русскихъ древнихъ памятниковъ.

³⁾ Н. Н. Бантышъ-Каменскій (1737—1814), замѣчательный историкъ, составившій въ 1821 году большой трудъ: „Степенная книга россійской исторіи“.

Школа скептиковъ, во главѣ съ профессоромъ исторіи московскаго университета, М. Т. Каченовскимъ,¹⁾ отрицала подлинность „Слова“ и считала его подлогомъ XIX ст. Свои выводы она обосновывала:

— тѣмъ, что памятникъ появился въ 5 лѣтъ послѣ открытия;

— тѣмъ, что подлинникъ сгорѣлъ;

— тѣмъ, что какъ разъ въ это время были разоблачены большіе литературные подлоги въ Чехіи и Англії.

Чешскій писатель, Вацлавъ Ганка,²⁾ пришелъ къ заключенію, что въ борьбѣ съ германизаціей, опровергавшей культуру славянъ, необходимо ее доказать древними документами; поэтому онъ поддѣлалъ двѣ рукописи, Кралеворскую и Зеленогорскую,³⁾ и объявилъ ихъ памятниками XI или XII ст. Нѣмцы подняли крикъ, дѣло очутилось въ судѣ, и споръ, продолжавшійся почти 100 лѣтъ, кончился тѣмъ, что фальсификатъ былъ обнаруженъ.

Такой же подлогъ сдѣлалъ ирландецъ Мекферсонъ⁴⁾, чтобы доказать высокую культуру своей земли въ глубокой старинѣ. Пѣсни Оссіана, борца за свободу Ирландіи въ III ст., были сочиненіемъ Мекферсона, но своей простотою и красотою удивили весь міръ.

Все это ложилось черной тѣнью и на „Слово о полку Игоревѣ“. Скептики торжествовали; казалось, что его постигнетъ судьба вышеназванныхъ подлоговъ Ганки и Мекферсона.

Однако случилось иначе.

П. П. Пекарскій,⁵⁾ археологъ, нашелъ въ бумагахъ Екатерины II копію „Слова“, снятую изъ „Хронографа“, и

¹⁾ М. Т. Каченовскій (1775—1842), профессоръ исторіи московскаго университета, который отвергалъ всякую культуру древней Руси; онъ отрицалъ всѣ древне-русские памятники: лѣтопись, Слово о полку Игоревѣ и Русскую правду. По его мнѣнію Русская правда была занесена на Русь купцами Ганзы.

²⁾ В. Ганка (1791—1861), одинъ изъ самыхъ видныхъ дѣятелей чешскаго національного возрожденія.

³⁾ Kraluv Dvur и Zelena Hora — мѣстности въ Чехіи, въ которыхъ будто были найдены рукописи—подлоги Ганки.

⁴⁾ Джемсъ Мекферсонъ поддѣлалъ „Пѣсни Оссіана“ и въ 1760 году напечаталъ ихъ. Оссіанъ погибъ въ бою съ королевскими войсками. Народная фантазія окружила его вѣнцомъ безсмертной славы.

⁵⁾ П. П. Пекарскій (1828—1872), изслѣдователь русской словесности и исторіи, адъюнктъ отдѣленія русскаго языка и словесности Академіи Наукъ; издалъ: „Бумаги Екатерины II“, Спб., 1864.

напечаталъ ёе въ „Приложениі къ V-му тому записокъ Академіи Наукъ“, № 2, Спб. 1864. Вдобавокъ Е. О. Тимковскій¹⁾ открылъ памятникъ съ конца XIV в. „Мамаево побоище“, авторъ котораго руководствовался „Словомъ о полку Игоревѣ“ и заимствовалъ изъ него обороты и цѣлія мѣста.

Побѣда осталась за сторонниками подлинности „Слова“, среди которыхъ былъ и А. С. Пушкинъ. Скептики сдались, сознавъ свою ошибку.

Вторая борьба изъ-за „Слова о полку Игоревѣ“ происходитъ между учеными, поборниками національного единства русскаго народа и мечтателями о самостоятельной Украинѣ. Въ особенности послѣдніе не перебираютъ въ средствахъ, вплоть до отрицанія Руси, что, однако, рѣзко расходится съ текстомъ самаго „Слова“.

2.

Галицкая литература „Слова о полку Игоревѣ“.

Ни въ одномъ памятникѣ древней Руси не отражается такъ ярко и широко общий складъ того времени, какъ въ „Словѣ о полку Игоревѣ“. Въ немъ именно подчеркнуты тѣ идеалы, которые волновали чувства, мысли, воображеніе и разумъ нашихъ предковъ. Поэтическія достоинства, проникнутыя могучимъ одушевленіемъ и размахомъ, успѣли сразу привлечь къ себѣ вниманіе всего образованнаго міра.

Не осталась позади и наша Галицкая Русь со своими двумя ориентациями. Пройдемъ въ хронологическомъ порядкѣ все, что здѣсь до сихъ поръ появилось въ печати.

Б. А. Дѣдичкій²⁾ первый изъ галичанъ обратилъ вниманіе на высокія достоинства древняго произведенія, его трудъ появился въ печати подъ заглавиемъ: „Слово о полку Игоревомъ, одновлене и стихомъ уложене Богданомъ Дзедзецкимъ“ — („Пчола“, Н-ра 1—4. Львовъ, 1849). Переводъ

¹⁾ Е. О. Тимковскій (1790—1875) писатель, управляющій архивомъ министерства иностранныхъ дѣлъ въ Петроградѣ.

²⁾ Б. А. Дѣдичкій (1827—1909), редакторъ газеты „Слова“, одинъ изъ самыхъ плодовитыхъ писателей-журналистовъ на Галицкой Руси въ серединѣ прошлаго вѣка; его работы: „о. Игнатій“ (1854), „Конюшій“ (1854), „Буй-Туръ Всеволодъ“ (1860), „О неудобности латинской азбуки въ русской письменности“ (1859), „Исторія Руси“ (1868), „Михаиль Качковскій“ (1876).

въ стихахъ тяжелый, силлабический; каждый рядъ состоитъ изъ 11-ти слоговъ, часто встречаются неправильные ударения, правописаніе хаотическое¹⁾.

„Слово о полку Игоря Святославича, пѣснотворъ старорускій изъ XII столѣтія“. Издано Іоанномъ Гушалевичемъ²⁾. Львовъ, 1850. Начинается малымъ, сжатымъ вступленіемъ; изданіе цѣнное тѣмъ, что почти каждое слово текста поясняется доступными, обширными историческими справками. И заготовлено было для нуждъ учащейся молодежи, и Гушалевичъ самъ имъ пользовался въ своихъ классахъ.

Весьма основательно обработалъ „Слово“ известный галицко-русскій ученый, Я. О. Головацкій³⁾. Въ то время онъ уже былъ профессоромъ львовскаго университета и одновременно преподавалъ рускій языкъ въ двухъ послѣднихъ классахъ нѣмецкой гимназіи. Ученая диссертациія Головацкаго написана по нѣмецки: „Ueber Ihors Heereszug gegen die Polowcer“—(Viertes Programm des K. K. akademischen Staats-Gymnasiums in Lemberg. Am Schlusse des Schuljahres 1853). Начинается стихомъ Пушкина въ нѣмецкомъ переводѣ:

Wohl scheint vom Geschick beschlossen,
Dass sein verklug'nes Saitenspiel
Mit einem ew'gen Donnerschalle
In späten Tagen wiederhalle.

¹⁾ Подъ окончаніемъ перевода Б. А. Дѣдицкаго редакція считала необходимымъ отъ себя добавить: „Понеже въ правописанію нашемъ нѣть согласія, того ради учредительство „Пчолы“, не гадкуя дѣлати противо воли писателей, предприняло зъ самого начала въ правописанію надосланыхъ сочиненій не чинити жадной отмѣны“.

²⁾ Иванъ Гушалевичъ (1823—1903), священникъ, поэтъ, редакторъ „Зори Галицкой“. Изъ многочисленныхъ его сочиненій широкую известность получила драма п. з. „Подгоряне“. Гушалевичъ былъ нѣкоторое время преподавателемъ русскаго, мѣстнаго языка во львовскихъ гимназіяхъ и, какъ таковой, обработалъ „Слово о полку Игоревѣ“.

³⁾ Я. О. Головацкій 1814—1888), видный дѣятель галицко-русской науки; лучшими его трудами являются: „Великая Хорватія, или Галицко-Карпатская Русь“ 1841; „Росправа о языцѣ южно-русскомъ и его нарѣчіяхъ“ 1848; „Грамматика руского языка“ 1850; „Хрестоматія древне-русская“ 1854; „Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси“ Москва, 1878.

Работа Якова Федоровича состоит изъ пяти частей:

- 1) Die Handschrift und die Auflagen von Ihors Heereszuge;
- 2) Gegenstand und Inhalt der Heereszugs Ihors;
- 3) Die Ihors Heldensage ihrem Geiste nach betrachtet: Rittergeist — Rückerinnerung an das Vergangene — Schlachtenbilder und Darstellungsarten des Todes in dem Gedichte — Liebe zum Gesang—Jaroslawnas Lied und die Bedeutung desselben;
- 4) Geist des Glaubens: Spuren des Heidenthums; Glaube an die Geisterwelt; Glaube an das Wunderbare und Naturandeutungen;
- 5) Die Sprache des Gedichtes vom Heldenzuge Ihors.

Значить, Головацкій не остановился на содержаніи и изданіяхъ „Слова“, но старался вникнуть въ духъ времени его возникновенія, въ основы вѣры, въ суть народнаго міро-созерцанія, въ причины похода и особенности языка, который онъ называетъ могучимъ, живымъ и гармоническимъ. „Слово“ выказываетъ съверное нарѣчіе, такъ какъ авторъ безъ сомнѣнія происходилъ изъ Новгорода Съверскаго. (Diese Sprache war die ruthenische, und zwar nach dem Siewerskischen Dialekte, denn der Dichter war zweifelsohne aus dem Nowhorod Siewerskij).

Послѣ работы Я. Ф. Головацкаго надолго заглохло на Галицкой Руси; только въ концѣ 60 годовъ появилось „Историческое обозрѣніе русской письменности“, принадлежащее перу преподавателя русскаго языка въ одной изъ львовскихъ гимназій, Онуфрія Лепкаго¹⁾. Въ главѣ „Поэзія свѣтская“ говорится коротко и о „Словѣ о полку Игоревѣ“. На основаніи изслѣдований Шлецера²⁾ даетъ Лепкій характеристику половцевъ (ползовцевъ) или комановъ, нападавшихъ на русскую землю и, опираясь на выше упомянутую работу Я. Ф. Головацкаго, излагаетъ текстъ и содержаніе „Слова“.

Дважды обрабатывалъ „Слово“ Емельянъ Огоновскій³⁾ „Поглядъ на старорускій поетичный памятникъ

¹⁾ Онуфрій Лепкій: „Історическое обозрѣніе русской письменности, отъ введенія христіанства до пришествія татаръ“. — (Литературный Сборникъ Галицко-русской Матицы. Львовъ, 1869).

²⁾ Шлецеръ (Ludwik August von Schlözer), знаменитый историкъ, изслѣдователь русской старины, особенно русскихъ лѣтописей (Нестора).

³⁾ О. Огоновскій (1833—1894), профессоръ львовскаго университета, известенъ тѣмъ, что написалъ „Исторію

„Слово о полку Игоревѣ“. Газета Школьна, письмо педагогичне підъ редакцією Ом. Партицкого. Рочникъ I, 1875 и „Слово о полку Игоревѣ“ Поэтичний памятник руської письменності XII віку. Текст с перекладом и с поясненнями видав Омелян Огоновський. У Львові. Накладом видавця. 1876. 8º стр. XLIV+136+2. Первый трудъ всецѣло повторень на второмъ; поэтому остановимся на послѣднемъ.

Въ вступительныхъ замѣчаніяхъ (передні замітки) Огоновскій сказалъ нѣсколько словъ о русскомъ просвѣщеніи въ XII в., воспроизвелъ разсказъ лѣтописей о походѣ Игоря на половцевъ, подаль содержаніе (грясть!) „Слова“, поднесъ стоимость памятника, какъ исторического и поэтическаго произведенія, повторилъ все, что было сказано русскими учеными объ авторѣ, нарисовалъ характеръ героя и доказывалъ, что „Слово“ является насквозь оригинальнымъ дѣломъ древней Руси.

Огоновскій не нашелъ въ „Словѣ“ ничего такого, что его дѣлало бы похожимъ на пѣсни Оссіяна, отвергъ теорію князя Вяземскаго,¹⁾ будто въ „Словѣ“ находятся реминисценціи греческихъ и юракійскихъ преданій и, наконецъ, подвергъ критикѣ взглядъ Буслаева,²⁾ будто въ „Словѣ“ встрѣчаются признаки скандинавской народной поэзіи. Это оригиналъ самостоятельный эпосъ княжьей Руси.

Разсужденія Огоновскаго объ языке „Слова“ полны догадокъ, туманныхъ и одностороннихъ:

... „як-би не було отже тогді звичаю, уживати в письмах языка церковного, то автор Слова бувби нам певно лишив взорець русько-української мови XII віку. Слово написано було автором українцем, але тоті пізнійші грамотії поперекручували поодинокі форми на лад мови старословенської або й приспособили їх до виговору нарічья північно-великоруського.

Въ послѣдніхъ главахъ Огоновскій говоритъ о красотѣ, формѣ, исторіи открытія, изданіяхъ и переводахъ „Слова“,

---

русской литературы“ 5 т. 7 частей, „Граматику русского языка“, Studien auf dem Gebiete der ruthenischen Sprache, 1880 и издалъ полное собраніе „Кобзаря“ Т. Шевченки, 4 т.

¹⁾ П. П. Вяземскій въ 1875 г. напечаталъ обширныя „Замѣчанія на Слово о полку Игоревѣ“.

²⁾ Ф. И. Буслаевъ (1818—1891), большой знатокъ русской словесности; главные его труды: „О вліяніи христіанства на славянский языкъ“, 1848; „Исторические очерки русской народной словесности и искусства“ Спб., 1861; „Народная поэзія“, Спб. 1887.

Потомъ слѣдуетъ текстъ на одной и переводъ на второй сторонѣ въ 14-ти частяхъ, съ поясненіями и сравненіями съ мало-русскими народными пѣснями.

Особое вниманіе слѣдуетъ обратить на „Слово о полку Игоревѣ, древне-русское эпическое стихотвореніе изъ конца XII столѣтія. Текстъ Слова исправленъ и раздѣленъ по стихамъ“. Издалъ А. С. Петрушевичъ¹⁾. Львовъ, 1887. Петрушевичъ былъ оригиналной и даровитой личностью и вдумчивымъ изслѣдователемъ церковно-славянского языка. Обрабатывая текстъ „Слова“, онъ проводить параллели, дѣлаетъ ссылки на труды ученыхъ. Въ введеніи разсказываетъ объ открытии списка „Слова“, о томъ, какимъ былъ текстъ, дошедшій до нашихъ временъ, какъ выглядило первое изданіе, подаетъ выдержки изъ лѣтописи; затѣмъ по своему раздѣляетъ „Слово“ на стихи. Поясняя поодинокія слова, Петрушевичъ доказываетъ, что переписчики смѣшивали буквы л—д, к—х, ъ—ы, пропускали сокращенные слова, находящіяся подъ титлами, дѣлали изъ двухъ словъ одно и наоборотъ, соединяли два слова въ одно. Онъ полагаетъ, что первая форма „Слова“ должна была быть стихотворной для болѣе удобнаго пѣнія и чтенія. „Кажется, княжескій заможный пѣвецъ и дружины, составляя свою пѣснь въ патріотической и политической цѣляхъ, для наданія ей большой гласности, писаль свое сочиненіе не въ сплошную строку, но длинными то краткими стихами, соответственно своему поэтическому одушевленію“. Петрушевичъ думаетъ, что авторъ былъ галичанинъ: „Слово“ имѣть для нась галичанъ особенную важность по той причинѣ, что сочинитель его, по всей вѣроятности, былъ выходцемъ изъ нашей галицкой Руси, отправившимся, кажется, вмѣстѣ съ дочерью князя галицкаго Ярослава Владимірковича, Евфросинею, супругою съверского князя Игоря, служити въ того-же дружины и совѣтѣ. Къ такому заключенію наводить мене тое важное обстоятельство, что пѣвецъ Игоря есть близко ознакомленъ съ централистическою политикою и отношеніями галицкого князя Ярослава къ сосѣднимъ державамъ, яко своего государя, которого отличаетъ онъ названіемъ Осмомысла, о чёмъ современные лѣтописи ничего не повѣствуютъ. Дочери того-же галицкаго князя, Евфросинѣ, посвящаетъ пѣвецъ Игоря знакомитое мѣсто въ „Словѣ“. Авторъ „Слова“ изъявляетъ свое знакомство съ мѣстностью древняго галицкаго

¹⁾ А. С. Петрушевичъ (1821—1913), знаменитый лингвистъ, историкъ и знатокъ галицко-русскихъ архивовъ. Написалъ нѣсколько удачныхъ статей противъ подлинности Кралеворской и Зеленогорской рукописей; издалъ и пояснилъ „Сводную галицко-русскую лѣтопись отъ 1500 до 1800 г.“.

города Плѣсниска, и съ далеко, нѣкогда на югъ сягающими границами нашего отечества, даже до желѣзныхъ вратъ Дуная; онъ самъ знаетъ о походѣ галицкихъ полковъ Ярослава на дальний востокъ въ землю Салтановъ (въ Палестинѣ); словомъ, пѣвецъ Игоря блестить западно-русскимъ образованіемъ, которое дружинникамъ южно-восточной стороны Руси было недоступнымъ".

Въ цѣляхъ распространенія „Слова“ среди народныхъ массъ Галицкой Руси была издана Обществомъ им. Михаила Качковскаго (книжечка за апрѣль № 328, г. 1903): „Повѣсть о полку Игоревомъ“. Переспѣвалъ Петръ Пѣскій (П. А. Полянскій¹⁾). Переводъ этотъ носить явные признаки извѣстнаго въ словестности перевода М. А. Максимовича²⁾ изъ 1859 г. Размѣръ стиховъ разнообразный; наилучше удались Полянскому стихи, написанные въ формѣ галицкой коломыїки:

Братья мои! Чи не лучше
Въ бою погибати,
Якъ въ кайданахъ и въ неволи
Тяжко проживати?
Хочу, братья, я за Дономъ
Копіе зломити,
Хоть припалобъ середъ бою
Голову зложити!..

Побѣгъ князя изъ половецкаго плѣна изображенъ не менѣе въ галицко-русской рѣчи удачными стихами:

Трава шумить, рѣка гудить,
Тростина трескае,
А князь летитъ, бѣгомъ бѣжитъ,
Донця достигае.
Горностаемъ скаке Игорь,
Гоголемъ на воды,
Сѣрымъ волкомъ по яругахъ,
Соколомъ подъ своды.

Въ общемъ говоря, переводъ слабый и иногда далеко отбѣгаетъ отъ текста.

¹⁾ П. А. Полянскій, отвѣтств. редакторъ „Нового Галичанина“ въ 80-ыхъ годахъ прошлаго столѣтія; онъ написалъ нѣсколько рассказовъ п. з. „Прикарпатскія новеллы“.

²⁾ М. А. Максимовичъ (1804—1873), профессоръ ботаники въ Москвѣ, затѣмъ профессоръ русской литературы въ Кіевскомъ университѣтѣ, издалъ два сборника народныхъ пѣсенъ: „Малороссійскія пѣсни“ Москва, 1827. „Украинскія

Василь Щурат¹⁾: „Слово про похід Ігоря Свято-славича. Поэма XII в.“ 1910, второе издание 1918. Это сочинение есть довольно удачный перевод „Слова“ на галицкое нарѣчіе, однако не можетъ равняться съ переводомъ М. А. Максимовича. Переводъ Щурата составляютъ стихи въ трохеяхъ отъ начала до конца. Древность эпоса нарушена неподходящимъ, чуждымъ русской старинѣ, нѣмецкимъ словомъ: „боян майстер був до пісні“. Щуратъ желаетъ задержать присущій тексту „Слова“ колоритъ и пользуется терминами Русь, руска земля, русичі, хотя въ своемъ предисловіи называетъ памятникъ „творомъ українського генія“. Онъ утверждаетъ, что излѣдованія Е. В. Барсова²⁾ кончились абсурдомъ, и поэтому „українська мова“ (въ особенности галицкое нарѣчіе) сможетъ выяснить все „Слово“, что и дѣлаетъ: „Я стрібував (попробовалъ) вияснювати Слово при помочі галицько-українського лексікального матеріалу і переконався, що майже кожде ужите в ній (?) слово живе досі, коли не в устах галицького народу, то в його традиції“. Болѣе того, Щуратъ полагаетъ, что рукопись „Слова“ походитъ изъ западной части Руси; не даромъ же Мусинъ-Пушкинъ скрывалъ мѣсто открытія памятника. Нѣкоторыя поясненія Щурата нужно отнести въ область фантазіи (Каяла—рѣка покаянія; Плѣсниско-Кисань: „згадка про Плѣснесько, болонє і дебру Кисаню відповідає вповні Плѣснеську, його болоню і дебрі—під нинішнimi Підгірцями. Плѣснеське болонє й доси є спеціяльним жировищем тисячів ворон, що гніздяться в сусідних горах Вороняках“). На переводѣ Щурата (плачъ Ярославны) замѣтно сильное вліяніе перевода Т. Шевченки³⁾ (частина Слова о полку Ігоревім. Кобзарь, издание О. Огоновскаго, Львовъ, 1893).

народныя пѣсни“ Москва, 1834. Изъ историческихъ сочиненій лучшее: „Откуда идетъ Русская земля“ Кіевъ, 1837. Переводъ „Слова о полку Игоревѣ“ сдѣлалъ его имя широко извѣстнымъ на Галицкой Руси.

¹⁾ В. Щуратъ (1871—) современный литер. дѣятель, поэтъ („Вибір пісень“), переводчикъ, членъ киевской Академіи Наукъ. Свои объясненія, относящіяся къ Плѣсниску и Кисани, Щуратъ подѣлалъ во время своей службы въ бродской гимназіи; по этому дѣлу онъ выѣзжалъ въ Подгорцы и окрестныя села.

²⁾ Е. В. Барсовъ добрую половину своей жизни посвятилъ изслѣдованію „Слова“: „Критический очеркъ литературы Слова о полку Игоревѣ“ Спб. 1876; „Критические замѣтки объ историческомъ и художественномъ значеніи Слова о полку Игоревѣ“ Спб., 1878.

У Шевченки:

Вітрило—віtre, мій єдиний,
Легкий, крилатий господине,
На що на дужому крилі
На вої любій мої,
На князя, ладо мое міле,
Ти ханові метаеш стріли?

У Щурата:

Ой ти віtre, ти вітрило!
Чому віеш, господине,
Так насильно, так завзято?
Чому віючи з чужини
Лиш ханові стрілки мечеш
На своїх невтомних крильцях
На моого лада вої?

Михайло Возняк: „Пісня (дума) про похід Ігоря“, Львовъ, 1922. Работа основана на выводахъ русскихъ ученыхъ; тѣмъ не менѣе въ ней не отмѣчено ни одно имя изъ русскихъ изслѣдователей. Выдержками М. Возняка нужно пользоваться весьма осторожно, такъ какъ онъ ихъ подгоняетъ къ своей идеології („українець — Дажбожий внук“; „вхід українських військ на половецьку землю“); у него Русь не существуетъ. Поэтому сочиненіе М. Возняка является болѣе чѣмъ тенденціознымъ.

Когда возьмете въ руки Александра Барвінскаго: „Огляд історії української літератури“. Третє спралене видане. Львовъ 1922, — то на 22-ої страницѣ, въ главѣ: „Слово о полку Игоревѣ“, прочитаете:

Бажаючи прославитися побідою над половцями, Ігор Святославич, кн. Новгороду Сіверского, виправився (1185 р.) з сіверськими князями — братом Всеволодом Курским (званим Буй-Туром), з сином Володимиром Путівельським і братаничем Святославом Ольговичем, кн. Рильським, — над Дон. Тут стрітили їх Половці. В першім бою побідили руські князі, але опісля, відтяті від води і окружени хмарами кочовиків, понесли

¹⁾ Михайло Возняк: „Старе українське письменство“. Вибір для середніх шкіл. (Львовъ, 1922). Давня доба. Віки XI—XV. „Пісня (дума) про похід Ігоря“: М. Вознякъ, современный литературный дѣятель, членъ кievской Академіи Наукъ.

страшне поражене і попали в полон. Ігор утік звідтам з підмогою конюшого Овлура на Русь, а син Володимир оженився з дочкою половецького хана Кончака і по двох роках вернув на Русь із Всеолодом.

Ізложеніе, поясненіе и толкованіе „Слова о полку Игоревѣ“ разрѣшаются кожному ученому. Эти изложенія, поясненія и толкованія могутъ даже быть очень близки, но онъ никогда не совпадаютъ. Когда же вы откроете 27 лѣтъ тому назадъ изданную А. Галаховымъ: „Исторію русской словесности“ (изданіе восьмое, Москва, 1895), то на 52-ой страницѣ вычитаете:

Игорь захотѣлъ самъ прославиться побѣдою и съ другими съверскими князьями: братомъ своимъ Всеолодомъ Курскимъ, сыномъ Владиміромъ Путивильскимъ и племянникомъ Святославомъ Рыльскимъ, собралъ войско и отправился къ Дону. Здѣсь встрѣтили его половцы. Въ первой битвѣ съ ними русскіе одержали верхъ, но потомъ, отрѣзанные отъ воды и окруженные сильными толпами, потерпѣли рѣшительное пораженіе. Князья были взяты въ плѣнъ, изъ которыхъ Игорь, при помощи своего конюшаго бѣжалъ въ Россію, а Владиміръ женился на дочери половецкаго хана Кончака и черезъ два года также воротился въ отечество вмѣстѣ съ Всеолодомъ.

Одно совпаденіе, несмотря на его точность, не можетъ служить доказательствомъ plagіята. Поэтому пойдемъ дальше. У Бэрвинскаго на 24-ой страницѣ (Поділ „Слова“) читаемъ:

„Слово“ можна поділити на три часті. В першій описаній похід, бій з Половцями і полон князів. Спомин про побіду Святослава Всеолодовича над Половцями служить переходом до другої часті „Слова“, що починає ся сном сего князя і містить у собі спомини про давнійших і візвання до сучасних Ігореви князів, щоби вступилися за „обиду сего времені“, за землю руську, за рани Ігореви. Третя часть обнимає плач Ярославни (Евросинії, дочки Ярослава Володимировича Галицького), оповідане про побіг Ігоря з неволі і яко закінчене — похвалу князям і дружині.

На 52-ой страницѣ упомянутаго А. Галахова, читаемъ:

„Слово“ можетъ быть раздѣлено на три часті: въ первой, послѣ приступа, повѣствуется о походѣ съверскихъ князей и о пораженіи ихъ половцами; воспоминаніе о побѣдѣ Святослава Всеолодовича надъ тѣми же врагами служить переходомъ ко второй части, которая начинается сномъ этого князя и содержитъ въ себѣ

воспоминаніе о прежнихъ князьяхъ и приглашеніе современныхъ Игорю князей вступиться за землю русскую: третью часть составляютъ плачъ второй Игоревой жены Ярославны (Евфросинії, дочери Ярослава Владіміровича Галицкаго), разсказъ о бѣгствѣ Игоря изъ плѣна и заключеніе.

Еще одно коротенькое, но ядреное мѣсто, чтобы окончательно убѣдить всѣхъ въ томъ, какъ безсовѣстно списывалъ Барвинскій, нигдѣ не упоминая про это! На 24-ой страницѣ у Барвинскаго находимъ:

Провідна думка пісні є — єдність руської землі. Представником сеї провідної ідеї робить автор київського князя Святослава, котрому вкладає в уста визваніе до руських князів, називаючи се визваніе золотим словом, змішаним із слезами.

У Галахова на 53-й страницѣ это мѣсто звучить:

Идея „Слово о полку Игоревѣ“ — есть идея единства русской земли. Представителемъ ея пѣвецъ дѣлаєтъ киевского князя Святослава, влагая ему въ уста воззваніе къ князьямъ южной и съверной Руси о заступничествѣ за землю русскую и называя это воззваніе золотымъ словомъ, смѣшаннымъ со слезами.

Три выдержки даютъ полное право думать, что Александръ Барвинскій, составляя научные пособія, дѣлалъ компиляцію, просто-напросто списывалъ изъ русскихъ источниковъ русскихъ ученыхъ, которыхъ онъ такъ безпощадно побаривалъ. Какъ ни печально это явленіе, оно все таки имѣеть и хорошую сторону: доказываетъ, что „украинецъ“ Александъръ Барвинскій точь въ точь думаетъ также, какъ великороссъ А. Галаховъ, несмотря на то, что первый по политическимъ соображеніямъ въ угоду врагамъ русского народа проповѣдываетъ никогда несбыточную идею о расколѣ юга и съвера русской земли.

Плохо то, что А. Барвинскій точь въ точь списалъ нѣ которыхъ мѣста, ни словомъ не заикнувшись о томъ, что живемъ и цѣликомъ заимствуєтъ большія выдержки изъ чужого сочиненія. Но въ средѣ украинскихъ авторовъ А. Барвинскій не исключение, а довольно таки обычное явленіе. Тутъ куда удивительнѣе, что украинскіе профессора и литературные критики позволяютъ себѣ роскошь облегченія труда посредствомъ обильного заимствованія изъ богатыхъ русскихъ источниковъ, а въ то-же время строжайше запрещаютъ своимъ ученикамъ пользоваться русскимъ литературнымъ богатствомъ. Чтобы отвлечь отъ него вниманіе своей молодежи, они нарочно представляютъ русскую культуру въ темныхъ краскахъ или совершенно ее искажаютъ. Притомъ

украинские профессора просто напросто дѣлаютъ фальсификаты, своевольно и въ зависимости отъ потребностей политическихъ тенденций измѣняя въ старыхъ памятникахъ слова и смыслъ, а даже и цѣлые обороты.

Кажется, что больше русско-патріотического произведения, какимъ является „Слово о полку Игоревѣ“, трудно найти въ старо-русской словесности.

Тѣмъ не менѣе, наперекоръ разсудку, ибо ясно, что въ XII вѣкѣ, памятникомъ котораго является „Слово о полку Игоревѣ“, не было ни Москвы ни Украины, а была лишь одна Русь, и, следовательно, также авторъ названного произведения не могъ быть ни малороссомъ, ни великороссомъ, ибо былъ только сознательнымъ русскимъ человѣкомъ, украинские профессора дѣлаютъ изъ него украинца сегодняшняго покроя. Въ этомъ самостійномъ усердіи перебралъ всякую мѣру и границу, забывъ стыдъ передъ ученымъ міромъ и личное достоинство, нѣкій докторъ Иванъ Мандичевскій¹⁾, который издалъ въ 1918 году свое собственное Слово о полку Игоревѣ. Вотъ до чего договорился сей вдохновенный критикъ:

„Незнаний намъ книжник-писаця москвинъ — псковецъ (за симъ промовляють поважні сліди у мові питомі псковсько-опочецькому говорови) переробив ціле первісне Слово о полку Ігореві на свій ладъ.“

Вслѣдъ затѣмъ докторъ Иванъ Мандичевскій, не задумываясь, принялъся за „первісну реконструкцію“ старого произведения XII столѣтія, которое по его убѣжденню „співецъ створив був у зрозумілій для кожного (?) просто-народній мові українській“. Чудовищная сія реконструкція построена цѣликомъ на грамматикѣ, словахъ и оборотахъ, которые выковали украинцы недавно, и поэтому лишена всякой научной стойности. И не удивительно, если взять во вниманіе то, до чего признался самъ „ученый“: 1) „я віметав усі розкриті мною чужі уставки. 2) випрятавем усю церковно-славянську примішку і понаходжені псковсько-московські й другі питоменности, а затемнені та попсовані місця заступивем відповідно під дух мови і льогічного ходу пісні піdobrаним матеріялом, 3) поповнивем так само піdobrаним матеріялом виявлені прогалини“.

Комендаріи лишни. Украинские „вчеці“ строят свое „знання“ на фальсификаціи, очевидно и не подозрѣвая, что отъ этого они не станутъ учеными, а ихъ „знання“ наукой.

¹⁾ Д-р Іван Мандичевській: „Слово о полку Ігореві“ (1188 р.). Літературна реконструкція. У Львові 1918.

„Слово про Ігорів похід“. Вступ, переклад і пояснення Петра Олександра Коструби¹⁾ (Львовъ, 1928). Коструба желаєть приблизитися къ тексту и не повторить ошибокъ Барвинскаго, Мандичевскаго и Возняка; онъ вводить обратно термины: „Русь, русъкій, русъка земля“: „вживаю терміну „руській“, а не „український“, як приміром проф. Возняк (у своєму перекладі Літ. I) із двох причин: 1) для кращого додержання колориту епохи, 2) тому що обсяг поняття „руській“ був ширший, бо обіймав також північні (съверныя) землі, що тоді вважалися одною цілістю з українськими, хоч і не становили вже суцільного з ними політичного організму“. Коструба подчёркиває, что „Слово“ имѣло большое вліяніе „на дальшу творчість як українську, так і московську“. Дѣленіе „Слова“ заимствовано имъ у М. Возняка.

* * *

Кромъ упомянутыхъ работъ по изслѣдованию „Слова о полку Игоревѣ“, нельзя не отмѣтить статей Щараневича, Залозецкаго, Франка и Радзикевича.

И. Шараневичъ²⁾: „Згадка про Плѣсниско“ (Руска читанка, уложивъ О. Партицкій, Львовъ, 1871). Описывая монастырь на Плѣснискѣ въ Подгорцахъ, между Бродами и Золочевомъ, гору, майданъ, окопы и могилы, Щараневичъ ссылается на „Слово о полку Игоревѣ“, а именно на сонъ Святослава, которому чудилось, что воронъ всю ночь каркалъ на Плѣснискѣ. Эту природную крѣпость онъ считаетъ Плѣснискомъ, о которомъ рѣчь въ „Словѣ“.

В. Д. Залозецкій³⁾ „О Боянѣ въ Словѣ о полку Игоревѣ“. (Отрывокъ изъ изслѣдованія о Словѣ. Отискъ изъ „Русского Филологического Вѣстника“). Варшава, 1901. Выдающійся галицкій писатель былъ хорошо обознакомленъ съ стариной Галича. Его взглядъ на „Слово“ таковъ: не вѣрны утвержденія ученыхъ, будто переписчики испортили текстъ и затемнили его до неузнаваемости. Текстъ цѣлъ. По его мнѣнію

¹⁾ П. О. Коструба современный литер. дѣятель.

²⁾ И. И. Щараневичъ (1829—1901) историкъ, профессоръ львовскаго университета и археологъ; произвелъ раскопки въ Галичѣ, Звенигородѣ, Высоцкѣ и Чехахъ, чѣмъ обогатилъ исторію Галицкой Руси.

³⁾ В. Д. Залозецкій (1833—1916) романистъ, одинъ изъ лучшихъ галицкихъ писателей, вникающихъ въ старину Галицкой Руси. Древнему періоду принадлежать лучшія его повѣсти: „Звоніміра“, „Половецкая моленица“, „Евфимія Володаревна“, „Ростиславъ“. Всѣ его труды собраны въ „Полномъ собраниіи сочиненій“ З. т. Львовъ, 1910.

Боянъ — историческое лицо; былъ имъ Янъ Вышатичъ (Вячеславичъ), другъ лѣтописца Нестора (Лаврентіевскій списокъ 120), тысяцкій города Кіева; онъ родился годомъ позже смерти Владимира Святого, умеръ въ 1106 году, проживъ девяносто лѣтъ. Въкъ его мужества приходился на княжение Ярослава Мудраго, а при Святославѣ Ярославичѣ онъ исполнялъ должность воеводы. Изъ сліянія словъ Буй-Янъ пошло имя Боянъ. Залозецкій разошелся съ истиной, такъ какъ слово боянъ, баянъ происходит отъ корня *б а я т и*, что значитъ: слагать, сочинять.

Лиши нѣсколькими словами, весьма осторожно, коснулся памятника Иванъ Франко¹⁾ въ своемъ „Нарис-ѣ історїї українсько-руської літератури“ (Львовъ, 1910). Франко полагаетъ также, какъ большинство ученыхъ, что поэма была написана участникомъ похода, въ чёмъ его убѣждаетъ призывъ автора къ князьямъ о помощи Игорю. Онъ не вѣритъ въ то, что рукопись сгорѣла, такъ какъ палата Мусина-Пушкина въ 1812 уцѣлѣла.

Володимир Радзикевич²⁾: „Слово о полку Ігореві“. Въ сжатой статьѣ Радзикевича, преподавателя гимназии, находимъ содержание „Слова“, составленное для среднихъ школъ.

Таковъ скромный вкладъ галичанъ въ литературу „Слова о полку Ігоревѣ“. Не все, конечно, имѣеть значеніе для науки, единствено трудъ Головацкаго, Петрушевича, Огоновскаго и Шурата, среди объемистыхъ томовъ численныхъ изслѣдователей нашей старины, не будетъ обойденъ молчаніемъ.

Споръ о томъ, кто могъ быть авторомъ „Слова“ очень поучителенъ. Во-первыхъ, въ текстѣ ни единымъ словомъ не упоминается объ Украинѣ. Во-вторыхъ, самъ фактъ спора, кому принадлежитъ авторъ, убѣдительно доказываетъ, что онъ принадлежитъ велико-и мало-россамъ. Къ нему одинако обращены ихъ взоры; онъ ихъ одинако ободряетъ и одушевляетъ. Въ третьихъ, если когда-либо и удастся доказать, что авторъ „Слова“ не дружинникъ Новгорода Сѣверскаго, а южанинъ или галичанинъ, то тѣмъ ярче станетъ правда, что русскій народъ составляетъ одинъ племенной организмъ.

¹⁾ Иванъ Франко (1856 – 1916) талантливый поэтъ и писатель; „Іван Вишенський“, „Мойсей“, „Камінярі“, „Зіяле листє“, „Бориславські оповідання“, „Захар Беркут“ — наилучшія его сочиненія.

²⁾ Володимир Радзикевич: „Короткий курс історїї українського письменства“ (Львовъ, 1822). Пособіе школьной кураторіей не утверждено, однако широко распространено среди учащейся молодежи.

И вовсе не ошибался упомянутый писатель Василій Дмитріевичъ Залозецкій, когда сказалъ: „Слово о полку Игоревѣ“ — это общій базисъ одного культурнаго строя всего русскаго народа. На его почвѣ не грозны намъ никакія разъединительныя затѣи. Пусть Галицкая Русь и гибнетъ, когда уже сама не хочетъ жить, но и за ея Ахеронтомъ воліять будеть этотъ памятникъ объ ея единомъ прошломъ съ всею прочею Русью, съ Всеволодомъ на Дону и Волгѣ и рыщущимъ волкомъ Всеславомъ у прибалтійской Немиги“.
